

А. А. КИРИЛЛОВ*

«НОВАЯ АРХАИКА»: ДОВЕРИЕ ВРЕМЕНИ**

Аннотация: Постмодернистский релятивизм породил совершенно особое представление о времени: уже не модернность как движение вперед навстречу утопии, а кон-темпоральность как возможность со-присутствия различных временных пластов в структуре настоящего. Линейное время предстает как предельно абстрактное, оно объективировано в форме Истории, архива, и отчуждено от конкретной экзистенции. Статья посвящена яркому и самобытному явлению культурной жизни Ленинграда / Санкт-Петербурга рубежа 1980–1990-х годов XX века — «Обществу философии и искусства «Новая архаика», в работах участников которого, в числе прочего, содержатся оригинальные интуиции касательно трансформации категории времени в современную эпоху и, в частности, идея возвращения в опыт настоящего архаических форм мышления и существования. Эта идея оказывается предельно актуальной в эпоху медиа и цифровой реальности, когда под натиском технологий происходит высвобождение глубинных структур архаического.

Ключевые слова: Новая архаика, архив, постмодернизм, современность, доверие, присутствие.

A. A. KIRILLOV

«THE NEW ARCHAIC»: TRUST IN TIME

Annotation: Postmodern relativism created a very special representation of time: it is no longer modernity as a movement forward towards utopia, but con-temporality as the possibility of the co-presence of various temporary layers in the structure of the present. Linear time appears as extremely abstract, it is objectified in the form

---

* Кириллов Александр Анатольевич, культуролог, н. с. Центра медиафилософии, преподаватель СПбГУ ГА.

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31418 «Политика формирования доверия в эпоху фейка».

of History or archive, and it is distant from concrete existence. The article is devoted to the notable and distinctive phenomenon of the cultural life of Leningrad / St. Petersburg at the turn of the 1980s — 1990s of the 20th century — «Society of Philosophy and Art “The New Archaic”». The works of group participants contain original intuitions about the transformation of the category of time into the modern era, and in particular, the idea of returning to the experience of the present archaic forms of thinking and existence. This idea is very relevant in the era of media and digital reality, when under the pressure of technologies, the deep structures of the archaic are released.

Key words: New archaic, archive, postmodernism, contemporary, trust, presence.

Дореволюционная пыльная папка на трех шнурках, автографы и машинописные рукописи, письма, самиздатский журнал, или, как сказали бы сегодня, фанзин, вырезки из газет — такую форму зачастую и принимает вполне традиционный архив. Тот, что передо мной, — живые страницы яркой, самобытной, где-то скандальной, где-то уже большой и признанной Истории искусства и культуры Ленинграда / Петербурга конца 1980-х — начала 1990-х годов. Именно тогда и родилось, — здесь слово «род» задает контекст и тон, — «Общество философии и искусства “Новая архаика”», собравшее вокруг себя целую плеяду талантливых интеллектуалов и деятелей культуры своего времени. В этом месте приведу в качестве цитаты небольшой пассаж-самопредставление, дабы не попадать в тиски репрезентации, почти всегда скрадывающей нечто от оригинала:

Общество философии и искусства «Новая архаика» было создано в 1989 году на основе теоретико-практического семинара, организованного философом, арт-критиком и куратором Валерием Савчуком, руководителем группы-лаборатории «ДО-ТЕАТР», режиссером и актером Евгением Козловым, видеорежиссером и художником Вадимом Драпкиным, историком античности Любовью Кулаковой, актером и психологом Владимиром Бойковым, а также танатологом, поэтом и философом Андреем Демичевым. Исследовательская работа, начавшаяся весной 1989 г. с изучения проявлений в современной жизни архаического сознания и древних мифов, действительности ритуалов и праздников, привела участников семинара к гипотезе новой исторической эпохи, которая идет на смену постмодернизму. Эпоха, мировоззрение и мироощущение, которое она заявляет собой, была названа «Новой архаикой» (Валерий Савчук).

В целом для «Новой архаики» характерны многие отличительные признаки самодостаточной художественной/интеллектуальной группы: манифесты, оригинальная эстетическая и теоретическая программа, осмысление своего места и задач в культуре, документация событий. Стоит также обратить внимание на подчеркнuto коллективный характер рефлексии, что в целом формировало опыт подлинно-общинной (не отсюда ли в названии — «общество»?) взаимосвязи между участниками группы, в противовес, например, по-модернистски диктаторским, центрированным на фигуре лидера, сюрреалистам или ситуационистам. Подобное соответствие предмету своих штудий проявляется и на уровне письма: язык и стиль тяготеют скорее к поэтической, нежели философско-научной форме выражения. Иными словами, чтобы приблизиться к пониманию мифопоэтического мышления, следует принять нечто от него самого.

В этих коротких размышлениях мне бы хотелось попытаться подступиться к вопросу о том, как архаическое вообще возможно в опыте современности? И, соответственно, — какова природа этой современности? Таким образом, речь идет не о традиционалистском откате в историю, и не о «раскапывании» неких праначал, первоистоков культуры, нации, этноса — так время предстает классически линейно, — а, скорее, о том, что некоторые исторически глубинные бессознательные структуры оказались вытолкнуты на поверхность актуального бытия под натиском цивилизации (насилия) и её технологий (опять же — насилия), обнаружили свое присутствие в настоящем, подключились к современности по принципу конъюнкции. «*Со-временность*», или же «*кон-темпоральность*», считывается, разворачивается в модусе именно присоединения, констелляции различных временных пластов. И пафос на преодоление — весьма поспешное, без спора — постмодерна, говорит, скорее, об усталости от релятивизма последнего, но целиком и полностью является его же порождением. Постмодернизм и сделал возможным подобное понимание времени, развенчав модернистский миф о прогрессе, развитии, бесконечном обновлении, модерности.

Обессиленный Ангел истории пал. Шквал прогресса свирепствует по-прежнему, но теперь он лишен Свидетеля. Поэтому и начали раздаваться голоса, призывающие нас к ответственности, искренности, к заботе о мироздании, голоса, указывающие на возможность жизни «на руинах капитализма» (Анна Цзин), и, наконец, на необходимость «переизобретения будущего» (Клэр Бишоп).

Интеллектуалы XX — XXI веков прочно усвоили одну вещь: самые оригинальные и революционные идеи возникают лишь в определенных социально-культурных условиях: прорыв в мышлении возможен только на разорванном полотне истории, на сломе эпох. И теперь всякий новый авангард требует временной складки, пограничного состояния, а иногда — катастрофы. Отсюда принятые точки отсчета «новых эпох» и периодизаций: *fin de siècle*, две Мировые войны и Холокост, Май 1968 года, падение Берлинской стены и распад Советского Союза, 11 сентября 2001 года; модерн и постмодерн, к которым сегодня добавились гипер- и метамодерн. Каждое актуальное культурное течение последних ста лет так или иначе связывалось с одним из этих событий, осмысливало себя в категориях «разрыва». И таким же образом стало частью уже большой истории, параграфом в учебнике или секцией в музее.

1991 год Эрик Хобсбаум назвал окончанием «короткого 20 века». Несомненно, как и любое переломное время, рубеж 1980–1990-х годов не мог не вызывать к жизни различные рефлексии по поводу того, что ожидает нас в будущем, и попытки подведения итогов эпохи прошедшей. «Новая архаика» здесь, безусловно, отражает дух своего времени. Однако интуиции группы оказались настолько значимыми, что выдержали еще три десятилетия культурных сдвигов, в условиях прогрессирующего с нечеловеческой силой ускорения времени. Так, сегодня вновь и вновь «новоархаический» дискурс выходит на первый план в разговорах об актуальном технологическом режиме современной цивилизации.

* * *

Древнегреческие «архэ» (ἀρχή) и «архив» (ἀρχῆ) родственные и близкие по смыслу слова. Это не просто «первоначало», но некое изначальное «правило», «регулирующий принцип» — смысловые уровни, утраченные в последствии и трансформировавшиеся в понятие «архаики», которое стало обозначать нечто «древнее» или относящееся к «древности». В целом термин «архаика» является базовым для дискурса антропологии и позволяет описывать те исторические и современные общности, что соответствуют первобытному дописьменному типу и уровню развития культуры. Однако уже Леви-Стросс начинает говорить о «псевдоархаике», подразумевая под этим лишь то, что так называемые «архаические» общества, сохранившиеся до настоящего момента, в процессе своего исторического развития могли претерпеть

весьма значительные изменения, причем не только в направлении прогресса, но и упадка. И поэтому мы не можем сущностно сказать ничего о «подлинной» древности, напрямую для нас она недоступна. Мы всегда имеем дело только с настоящим. Но при этом настоящее структурно организовано таким образом, что несет в себе некие следы, отметины, шрамы прошлого. Рана обнаруживает себя в форме нехватки, утраты или вытеснения.

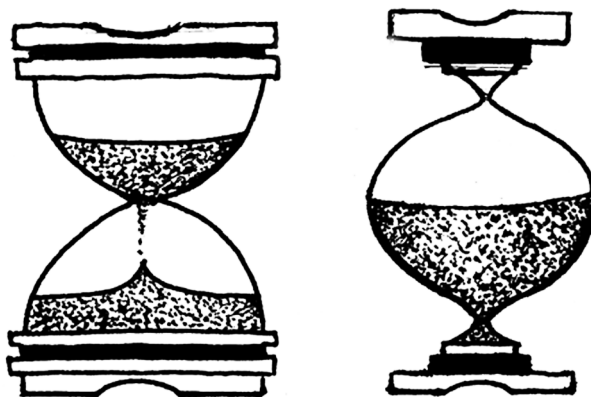
Таким образом, когда мы говорим о возвращении архаического, то предполагаем не возвращение в историю и истории, но в опыт и к опыту. И только сам опыт особым образом задает вопрос о переживании и осознании времени.

В текстах «новоархаиков» обнаруживаем два, казалось бы, разноплановых сценария:

- Новая архаика уже случилась / или вот-вот грядет, — это актуальный период, сменяющий эпоху постмодерна.
- Новоархаический опыт требует «культивации», «сознательного хода к возрождению единого знания, к собиранию в единство»¹, то есть определенной стратегии, праксиса, конкретных усилий.

Образ реки в качестве метафоры времени, возникший еще в мифопоэтических формах познания мира, в западной культуре восходит как минимум к Гераклиту. «Все течет, все меняется», «В одну реку нельзя войти дважды», — эти высказывания «темного» философа принято, хотя и не совсем верно, трактовать в рамках философии потока: действительность изменчива, время неминуемо движется в одном направлении, и повернуть его вспять нет никакой возможности. Однако буддист прочитал бы этот образ иначе: меняется не только мир, но, прежде всего, меняюсь Я сам. Мое Я (которое уже не самотождественно) соответствует изменчивому миру, становится частью потока жизни. Человек и время находятся в совершенной гармонии друг с другом. Поэтому правильнее будет так: человек-во-времени (своей жизни). Здесь буддистские представления, безусловно, перекликаются с представлением о времени архаическом. Получается, что не время-река безвозвратно убывает перед взором медитирующего на берегу — уже почти в картезианском духе — Гераклита, а сам человек погружается в симультанность времени. Не мыслит время абстрактно, отдельно от себя, но переживает его как Событие (и, безусловно, со-бытие). Отсюда известная буддийская полушутка: «Мыслью, следовательно не существую». Данная модель времени

отражена В. Савчуком в пронизательном образе «Часов, которые показывают настоящее время»².

Традиционные часы (слева) vs Часы, которые показывают настоящее время (справа)

Однако в традиции западной метафизики мы видим следующую картину: за Логосом Гераклита уже стоит запущенный изобретением линейного письма процесс отчуждения от действительности. Для устранения дисбаланса человечество изобретает Историю и само становится субъектом этой Истории, которая, в свою очередь, представляет собой механизм, дающий иллюзию остановки времени. Подобный жест находим и у Платона, пытавшегося остановить мировой процесс через познание вечных и неизменных идей. Одним словом, большой исторический нарратив западной цивилизации есть череда бесконечных попыток остановить ход времени, структурировать поток событий, дабы преодолеть несоответствие изменчивости мира — инертности человека, возникшей в процессе восхождения разума. Вилем Флюссер в своем «антропологическом четырехугольнике» (пятиугольник у Дитмара Кампера) наглядно представил его как исторический регресс, в ходе которого происходит постепенная редукция от пространства к точке, от тела к времени, от чувства к вычислению, а трехмерное пространство превращается в нуль-пространство³.

Современная ситуация складывается таким парадоксальным образом, что на очередном витке цивилизационного развития — прежде представлявшего

собой лишь процесс тотального абстрагирования, отчуждения человека от действительности — происходит обратное. Постмодернистское освобождение знака, его десубстантивация, сделали возможным то, что Ролан Барт определял как «снятие культуры». Подобно тому, как в эпоху античности происходило «снятие природы», когда человек буквально выступил за пределы природного, создав метаязык для его описания, сегодня стала возможна и приостановка культуры. То есть останавливается мимесис, который и производит культуру как «вторую природу», открывается свободное пространство для возвращения в опыт природного, а следовательно — и телесного, во всей полноте чувственных конфигураций.

Вернемся к образу архива. Если классический архив выступает здесь одним из инструментов «приручения» времени, и вместе с тем формой его организации, то современный архив — динамичный, находящийся в непрерывном потоке трансформаций, и связывается он с развитием и становлением цифровой и медиареальности.

В авторитетной статье под названием «Архивный импульс» видный теоретик современного искусства Хэл Фостер рассматривает произведения художников, работающих с архивом как формой художественного высказывания. Однако архив для них, не инструмент консервации, остановки времени, подобно экспозиции классического музея, а медиум, который используется в духе переприсваивания, «высвобождения» (*Detournement* у Ги Дебора) с целью деконструкции исторически заданного порядка культуры. Ризоматическая, разветвленная структура архива у художников вроде Томаса Хиршхорна и Таситы Дин обнаруживает внутри него самого потенциал к неограниченным трансформациям, мутациям и трансгрессиям⁴. Архив становится подвижным, со-ответственным течению времени, но вместе с тем — особым образом задающим такую же подвижную систему координат для ориентирования внутри этого потока.

Таковым предстает новый (цифровой) архив — динамичный, пребывающий в потоке бесконечных изменений и превращений. Обратим внимание хотя бы на такую деталь: любой цифровой файл имеет два временных атрибута: дату создания и дату изменения (т. е. речь идет о потенциально открытой структуре). Подобный «архив» позволяет, с одной стороны, двигаться вместе с общим потоком, не подвергаясь его травмирующему воздействию, делает нас самих — посредством оцифровывания наших жизней — текучими,

пластичными. С другой стороны, формирует особую модель темпоральности, которая в рамках общего движения времени делает возможной со-присутствие различных временных пластов в настоящем.

Как отмечает Джонатан Крэри, уже «в XIX веке видение было неразрывно связано с мимолетностью — то есть с новыми темпоральностями, скоростями, опытом постоянного движения и устаревания, новой плотностью и седиментацией структуры визуальной памяти»⁵. Поэтому здесь кроется и некая угроза, о которой читаем в другом манифесте «Новой Архаики»: «Одной из основных проблем современности Новые Архаики считают проблему адаптации, т. е. проблему со-ответствия человека ежесекундно меняющемуся миру» (Экспериментальная лаборатория АРХЭ). Для того и требуются те самые практики «культивации» архаического, особые формы саморегуляции, восстановления территории тела, его чувственной сборки. Стоит тем не менее предположить, что сам технологический режим современности и создает адекватные этим целям инструменты, важно лишь то, насколько рефлексивно мы подходим к этим вещам. Новоархаическое мышление, таким образом, — мышление со-ответствия настоящему, данному не как репрезентация, а в форме полнокровного присутствия, это забота о мире и доверие к нему. И вместе с тем, это мышление, предполагающее единое пространство совместного бытия с Другими, новую форму общности, в основании которой должны лежать чувства эмпатия, искренности и ответственности. Это «цифровой космос» технологического Гостеприимства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Савчук В. В. Кровь и культура. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1995. С. 9.

² Там же.

³ Кампер Д. Тело. Насилие. Боль: Сборник статей. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2010. С. 78.

⁴ Фостер Х. Архивный импульс // Художественный журнал. 2015. № 95. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/10/article/133>

⁵ Крэри Дж. Техники наблюдателя. Видение и современность в XIX веке. М., 2014. С. 37.